

УДК 339.924

ФОРМИРОВАНИЕ АРЕАЛОВ АКТИВНОГО МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (о книге «Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины»)

О.М. Рензин

Рензин Олег Маркович — кандидат экономических наук, заместитель директора. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: renzin@ecrin.ru.

В глобализующемся мире каждая книга о специфических формах интеграционных процессов, наблюдаемых в современной экономике, привлекает внимание. Связано это, прежде всего, с тем, что феномен интеграции переживает серьезные переоценки в мировой науке. Отходя от однозначных оценок его прогрессивности и эффективности для всех участников интеграционного процесса, в профессиональной литературе все чаще исследуются асимметричное распределение эффектов, среднесрочные и долгосрочные негативные последствия от ориентированных на конъюнктуру решений, «ловушки», появляющиеся при формировании интеграционных институтов, и прочие неканонические аспекты межгосударственных взаимодействий.

Особому рассмотрению в рамках этой проблематики подлежат субнациональные структуры (отдельные отрасли, территории, локалитеты), которые могут либо концентрировать и капитализировать возникающие выигрыши от международного сотрудничества, либо, напротив, безвозвратно растрачивать имеющийся потенциал. В мировой науке уже сложилось несколько научных школ, в которых проблемы специфики развития приграничных территорий рассматриваются подробно и разнообразно (см., напр., [4]).

Несомненно, рецензируемая работа (Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины / Евразийский банк развития, Центр

интеграционных исследований. СПб., 2013. 100 с. [2]) не утонула в мировом океане книг и статей по интеграционной проблематике.

В работе сделана попытка описания многостороннего интеграционного процесса с большой численностью субнациональных игроков. Агрегированный ареал изучаемого и препарированного в работе интеграционного пространства включает 27 административно-территориальных структур из трех стран, существенно различающихся и по используемым на практике экономическим механизмам, и по социальным ориентирам, и, особенно, по политическим предпочтениям (14 украинских, 9 российских, 4 белорусских региона).

Впечатляюще выглядят суммарные характеристики описываемого пространства: прилегающая к границам региональная система, выделенная авторами работы, охватывает площадь в 900 тыс. км². Здесь проживает более 50 млн чел. Совокупный ВРП приближается к 0,5 трлн долл. США [2, с. 7]. По масштабам это, несомненно, очень крупный экономический район, но с очень специфическими структурными особенностями.

Возникает вопрос: на каком основании возможно рассмотрение этой гигантской по европейским меркам территории как единого (или, скорее, в перспективе единого) комплекса? Прямого ответа на это в работе нет. Хотя в отдельных ее разделах приводятся различные аргументы, имеющие скорее объяснительный, чем доказательный характер. В качестве интеграционной платформы авторы называют, в частности, географическую близость регионов, общую транспортную инфраструктуру, аффилированные между собой национальные бизнес-структуры и осуществляющие экономическую деятельность транснациональные корпорации. Кроме того, в качестве императивной мотивации сотрудничества были упомянуты отдельные внеэкономические факторы: историческая общность территорий, включая не столь давнюю принадлежность к одной стране – СССР, культурная, языковая и конфессиональная близость населения и другие гуманитарные причины.

В совокупности, наверное, это действительно важные предпосылки, но вряд ли такие условия достаточны для выделения обозначенного в работе пространства как специфического для организации и прохождения интеграционных процессов. Однако, тем не менее, авторы настаивают, что необходимо рассматривать выделенную ими территорию как потенциально единую систему, и каждый читатель вполне может принять эту гипотезу как рабочую. Рецензент, сохраняя определенные сомнения, с этим тоже согласился.

Значительный интерес (как теоретический, так и практический) вызывает еще одна особенность исследуемой интеграционной системы: она является «молодым» продуктом социально-экономического развития. Все этапы ее зарождения, формирования и развития достаточно хорошо могут быть описаны, проанализированы и интерпретированы в историческом контексте. В

1990-х гг. подавляющее большинство участников современного приграничного интеграционного процесса между Россией, Украиной и Беларусью являлись районами СССР, территориально-административное разделение которых не вызывало существенных социально-экономических последствий. Появление межгосударственных границ в результате разрушения однородной макроэкономической системы СССР и формирования новых государственных образований вызвало активный процесс регионального переформатирования: практически все рассматриваемые в книге локалитеты превратились из внутренних районов советской экономики в приграничье новых стран. В соответствии с этим стала меняться структура экономического устройства регионов, которые в территориальном разделении труда новых стран стали исполнять ранее неизвестные межгосударственные коммуникативные обязательства. Для ученых, работающих в области исследований эффектов границ в социуме (*border studies*), ситуация, связанная с возникновением новых сопредельных территорий, возникновением и развитием трансграничных отношений в коротком временном периоде, несомненно, является прекрасным объектом для тестирования теоретических гипотез, чем очень разумно воспользовались авторы рецензируемой работы.

Еще одной важной научной задачей для рецензируемой работы, несомненно, могло стать исследование влияния на локальные социально-экономические процессы институциональных трансформаций национального масштаба, включая изменения в политической оболочке, «упаковывающей» региональные интеграционные инициативы в системные ограничения и регламенты. За прошедший почти 25-летний период в каждой из описанных в работе стран происходили кардинальные перемены в организации общественной жизни и, соответственно, во внутри- и внешнеэкономических приоритетах. Их влияние в значительной мере определяло не только степень свободы в поведении локальных структур, но в ряде случаев очень сильно влияло на соотношение между коммуникативными и барьерными функциями межгосударственных границ, и, как следствие, на возможности использования в регионах эффектов транснационального сотрудничества.

Очевидно, что любая попытка совмещения в научном трактате наложения специфических политических проблем постсоциалистического мира на рациональную область оптимизации внешнеэкономических отношений, тем более на весьма специфичном региональном уровне, неизбежно вызвала необходимость построения цепочки в высокой степени идеологизированных оценок и выводов. Несомненно, понимая, что политика часто корректирует экономику, а в «славянском треугольнике» это временами принимало (и, очевидно, еще долго будет принимать) достаточно острые формы, авторы очень разумно и дипломатично избрали по отношению к этой проблеме «фигуру

умолчания». И это, по мнению рецензента, является одним из достоинств прочитанной работы.

Надо признать, что авторы исследовали чрезвычайно сложноорганизованный объект – интеграционный регион, явно не как классический. Соответственно, к его изучению должен быть применен особый неканонический подход. В таком случае для оценок трансграничных взаимодействий необходимо было найти методы, которые заведомо либо будут нейтральны к существующим отличиям в общественной организации каждой из стран, либо учтут их разнокачественность, либо позволят корректно исключить из рассмотрения ряд действующих факторов.

Разумеется, что и первое, и второе, и третье не относится к тривиальным исследовательским задачам. Включение в список титульных авторов небольшой по объему (стостраничной) книги восемнадцати специалистов, среди которых выделяются такие высококласные и авторитетные исследователи интеграционной проблематики, как С. Глинкина, Л. Вардомский, В. Колосов, А. Либман, является свидетельством попытки учесть многоаспектность (и, в определенной мере, междисциплинарность) изучаемого в работе объекта. Очевидно, что этой же цели служит подключение к исследованию ряда научных и практических организаций стран, регионы которых были включены в интеграционный ареал. На взгляд рецензента, такой подход оказался плодотворным.

Во введении к книге было заявлено о рассмотрении в ее тексте семи основных проблем, в числе которых были названы [2, с. 20]: 1 – анализ потенциала приграничного сотрудничества; 2 – анализ приграничных связей в отдельных секторах экономики и социальной сферы; 3 – анализ действия институтов приграничного сотрудничества; 4 – количественная оценка связи взаимной торговли и экономического роста в условиях разной барьерности границ; 5 – оценки перспектив экономических связей БРУП¹ в условиях параллельного развития европейских и евразийских интеграционных процессов; 6 – мониторинг и оценка перспектив формирования в приграничье функциональных регионов; 7 – разработка предложений по более полному использованию экономического, гуманитарного и ресурсного потенциала в целях развития приграничных регионов и повышения их роли в интеграционных процессах.

Безусловный интерес представляет аналитический блок (позиции 1–3), занимающий более половины объема книги. Полученные в нем методические и прикладные результаты, связанные с агрегированием локальных статистик трех стран, приведением их в сравнимый вид, аналитическим изучением сформированного информационного массива, позволяют получить пусть не

¹ Белорусско-российско-украинское приграничье (БРУП – по терминологии, используемой в книге).

полную, но достаточно подробную картину социально-экономического взаимодействия на российско-украинско-белорусских контактных территориях.

Наиболее подробному изучению в приграничном сотрудничестве России, Украины и Беларуси, несомненно, были подвержены трансграничные потоки товаров. Именно внешнеторговый аспект сотрудничества является не только основным по объемам, но и наиболее прозрачным для исследовательских процедур. Для его анализа используется более разработанный (по сравнению с другими сферами сотрудничества) инструментарий, именно с ним связаны предложения по использованию различных форм институциональных оболочек, обеспечивающих эффективное взаимодействие. Кроме этого в работе для оценки роли трансграничной торговли в региональном развитии используется не очень сложный, но достаточно корректный эконометрический анализ, позволивший установить положительное влияние внешнеторговых потоков на экономический рост в приграничных регионах России, Украины и Беларуси «практически во всех возможных направлениях торгового взаимодействия в постсоветском приграничье» [2, с. 58].

Очевидно, что торговые взаимосвязи дают не слишком точное представление о глубинных интеграционных процессах в «славянском приграничье». Однако в работе показывается, что для описания ряда важных сфер нет достоверной статистики, а те данные, которые имеются, фрагментарны и несистемны [2, с. 57]. Это объясняет существенные упущения и лакуны при рассмотрении в работе инвестиционных и миграционных потоков.

В книге осуществлены мониторинг и анализ трансграничных инвестиционных потоков, которые задают на перспективу характеристики взаимосвязанности территорий и формируют тренды трансграничного движения и товаров, и услуг, и финансов, и трудовых ресурсов. Авторами рассматривается движение капиталов на уровне отдельных проектов, реализуемых украинскими, белорусскими и российскими бизнес-структурами [2, с. 46–50]. Об агрегированных параметрах межрегионального инвестиционного сотрудничества, динамике и движущих силах этого процесса речь в рецензируемой работе не идет, что, по мнению рецензента, не позволяет сформировать отчетливую картину происходящей интеграции, ограничивает возможности формирования прогнозных результатов.

Безусловно, интересным и познавательным является раздел, посвященный описанию миграционных потоков в приграничных регионах [2, с. 50–53]. В текст включены результаты многолетних социологических опросов, данные российской миграционной статистики, некоторые статистические показатели сопредельных с Россией государств. Однако, на взгляд рецензента, целостного представления о том, что же реально происходит в трансграничном движении населения, не возникает. Кроме того, вызывает сомнение возможность

распространения выводов, полученных в результате опросов в одной из областей России (Курской или Псковской), для описания миграционного поведения всего населения разнообразного и многоликого региона БРУП, как это делается на рисунке 7 [2, с. 51].

В целом авторы достаточно оптимистично оценивают потенциал дальнейшего развития приграничной интеграции России, Беларуси и Украины. Это, по их мнению, будет обеспечиваться наличием ряда существующих активизирующих процесс факторов. Кроме того, в книге предлагается содержательно обогатить действующие механизмы сотрудничества за счет «использования позитивного опыта, накопленного в рамках Евразийского экономического союза», а также создания финансового фонда «для поддержки экономических проектов, формирующихся в приграничье трех стран» [2, с. 85]. Однако, по мнению рецензента, институциональных решений для стимулирования интеграционного процесса будет недостаточно.

Очевидно, что в агрегированном регионе существует не только позитивная мотивация для сотрудничества, но и мощные барьеры для сотрудничества.

В частности, согласно устоявшимся теоретическим подходам к оценкам развития интеграционных образований, наиболее продуктивными являются процессы, в которых участвуют приблизительно равноразвитые структуры. В рассматриваемом случае картина прямо противоположна. Авторы убедительно показывают, что экономическая дифференциация входящих в «славянское приграничье» территорий весьма существенна [2, с. 8–9].

При проведении авторами попарного анализа сопредельных регионов по градиенту ВРП на душу населения были выявлены существенные расхождения в этом показателе между регионами. Это наблюдалось как в случае рассмотрения приграничных территорий России и Украины, так и в случае рассмотрения приграничных территорий Беларуси и Украины [2, с. 27]. Экономические различия в развитии регионов, в свою очередь, создали предпосылки для возникновения (и существования) резких перепадов в социальных характеристиках территорий по размерам заработной платы и доходов, по показателям безработицы, по уровню жизни населения [2, с. 34].

Не слишком убеждает в существовании устойчивых интеграционных связей между приграничными территориями и внешнеторговая статистика [2, с. 10–11], скорее, наоборот, если даже в этой простейшей форме межгосударственных экономических взаимосвязей имеются серьезные перепады, значит, есть какие-то объективные (неконъюнктурные) основания для возникновения нестабильности трансграничных контактов. К их числу, безусловно, относится существование инфраструктуры, и, прежде всего, ее транспортной составляющей [2, с. 35–38]. Существенно отстает, по мнению авторов, пограничная и таможенная инфраструктура [2, с. 37]. Особенно сильно это

чувствуется в периоды обострения отношений между странами, когда пункты пропуска превращаются в пробки на пути товаров и людей, что является мультипликатором возникающих сложностей во взаимодействии территорий. И уж совсем не «по-интеграционному» выглядит региональное взаимодействие в рассматриваемом ареале с позиций формирования производственных цепочек, реализации инвестиционных проектов [2, с. 11–12].

Даже трансграничные перемещения жителей регионов, входящих в исследуемый ареал, описываются скорее как феномен межличностного общения (родственных и дружеских взаимосвязей), чем институционально определенное формирование рынков трудовых ресурсов и услуг (трудовая, образовательная и туристическая миграция незначительна) [2, с. 13–14].

Но самым большим препятствием для эффективного сотрудничества на региональном уровне является его зависимость от «большой» (макроэкономической) интеграции. Взаимосвязь между ними существует всегда, но особенно отчетливо она проявляется в периоды дестабилизации системы сложившихся межгосударственных отношений. В этом случае вторичность и, соответственно, уязвимость локальных интеграционных процессов ощущается очень сильно. И каков бы ни был потенциал малого сотрудничества, его реализация блокируется.

Описанный в работе «Пояс славянского сотрудничества» от Балтийского до Черного моря может быть эффективным лишь при достаточных политических предпосылках. Рассуждения об исторических, этнических, религиозных, культурных корнях единения территорий быстро теряют доказательность в периоды возникновения межгосударственных разногласий и политических бурь в любой из стран треугольника. Во всяком случае, линейный поступательный характер интеграционных взаимодействий будет не так гладок, как представляется в ряде случаев авторам работы. Текущая политика может сильно корректировать и экономику, и историю, и географию.

Происходящая в начале 2014 г. дестабилизация в системе государственной организации Украины создает принципиально новую ситуацию. Вряд ли можно предполагать, что приграничные регионы будут по-прежнему наращивать потенциал сотрудничества с этой страной, поскольку риски реализации международных проектов имеют явную тенденцию к усилению. Таким образом, при всей оптимистичности взглядов на интеграционные процессы в «славянском треугольнике», сценарии иного – дезинтеграционного – поведения участников процесса вполне вероятны (см., напр., [1; 3]).

Подводя итог, отмечу, что данный труд, конечно, не может быть эпизодом в научном описании коллизий «Славянского приграничья». Уникальный по своим характеристикам интеграционный объект заслуживает значительно более глубокого рассмотрения и анализа. В представленной версии исследо-

вания авторами был сделан срез, описывающий лишь незначительный временной период развития – 2011–2012 гг.

Наверное, следует расширить исследование: распространить его на другие временные горизонты, на другие трансграничные связи (в т. ч. финансовые), на латентные процессы, вызывающие не только взаимное притяжение, но и отталкивание региональных структур. Это научно, это интересно, это спорно, это необходимо и для теории, и для практики. Ждем продолжения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели экономической дезинтеграции // А.М. Либман, Б.А. Хейфец. Модели региональной интеграции. М.: Экономика. С. 275–293.
2. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины / Евразийский банк развития, Центр интеграционных исследований. СПб., 2013. 100 с.
3. Рензин О.М., Суслов Д.В. Интеграционные тенденции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 617–637.
4. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 348 с.

FORMATION OF THE AREAS OF ACTIVE INTERSTATE COOPERATION IN THE POST-SOVIET SPACE: CHALLENGES AND PROSPECTS (on the book «The cross-border cooperation of the regions of Russia, Belarus and Ukraine»)

O.M. Renzin

Renzin Oleg Markovich – Ph.D. in Economics, Deputy Director. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: renzin@ecrin.ru.

REFERENCES

1. Libman A.M., Kheifets B.A. Models of Economic Disintegration. *Models of Regional Economic Integration*. Moscow, pp. 275–293.
2. *Cross-border Cooperation of the Regions of Russia, Belarus and Ukraine*. Eurasia Development Bank, Center for Integration Research. St. Petersburg, 2013, 100 p.
3. Renzin O.M., Suslov D.V. Integration Trends in the Asia-Pacific Region. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Edited by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Economic Research Institute FEB RAS. Vladivostok: Dal'nauka, 2011, pp. 617–637.
4. Ryzhova N.P. *Economic Integration of Border Regions*. Edited by P.A. Minakir. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS, 2013, 348 p.